

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ВЗГЛЯДА

Заслуженный артист РСФСР
Евгений Александрович ЕВСТИГНЕЕВ
рассказывает о молодом актере МХАТа—Евгении Киндинове

— Первый раз с Евгением Киндиновым,— говорит Евгений Александрович,— я встретился на сцене «Современника» в пьесе Горького «На дне» — он тогда только что окончил Школу-студию МХАТа и заменял заболевшего актера в роли Пепла. Это был тот знаменитый спектакль, когда Грибов играл Луку. Еще тогда я обратил на Женю Киндинова внимание, отметив, что он может стать актером определенно интересной индивидуальности.

А потом я его увидел в фильме «Молодые», и вот сейчас, уже во МХАТе, наблюдал, как он работал в пьесе Михаила Рощина «Валентин и Валентина» и в «Сталеварах» Геннадия Бокарева.

Что я могу сказать в результате этих наблюдений? Женя Киндинов — индивидуальность растущая, он многое может сделать.

У Жени хорошие внешние данные. Молодому актеру это помогает только в том случае, если он использует их как профессионал, мастер, а не кокетничает ими.

Киндинову это не грозит. Он достаточно емкий, душевно хороший, скромный, ну, как это можно точнее сказать — интеллигентный человек. И с юмором. В этом уже проявление глубины. Актеры лучше всего узнают друг друга — кто что может — во время репетиционного периода. С Женей мы работали в «Сталеварах».

Его Алексей создает впечатление героя по сиюминутному выражению: эмоциональный, резкий, вспыльчивый, мысль вырывается сразу, требует немедленного выражения — отсюда нетерпимость молодости. Но все эти человеческие качества искались долго, пришли в результате пытливого поиска характерности.

Роль Лешки, когда мы только начинали работать над пьесой, была ролью достаточно скромной. И наращивалась она в процессе репетиций, подумывалась всеми нами вместе, всем постановочным коллективом.

И тут я хочу отметить еще одно актерское качество Евгения Киндинова — он умеет работать в коллективе, прислушивается к мнению других, умеет заставить работать на себя все полезные замечания товарищей и принимает эти замечания, и критические в том числе, мужественно и скромно. Раскрыться в маленькой роли, как известно, подчас бывает сложнее, чем в большой. И тем не менее эта работа Киндинова в «Сталеварах» многое решает в выявлении идейного содержания пьесы: на нее падает немалый удельный вес спектакля.

Работа эта, как и многие другие в «Сталеварах», решалась всеми нами вместе, и все мы были увлечены этой новой формой работы над драматургией: домыслить, дофантазировать образ. Так эта маленькая, проходная, казалось бы, роль выросла в определенный кусок спектакля.

Конечно, будь другой режиссер в начале пути Евге-

ния Киндинова, на мой взгляд, главного момента становления актера, не знаю, может быть, его творческая биография сложилась бы и по-другому.

Но Ефремов — тот режиссер, когда пятьдесят процентов сомнений снимается с актера, когда знаешь, точно чувствуешь позиции режиссера, и основные творческие силы уходят непосредственно на дело, на образ.

Ефремов чрезвычайно рационально укрепляет художнические позиции — методологические позиции в молодых актерах, вырабатывает в них художнический вкус.

Встреча с новой ролью — всегда задача, всегда проблема. И как бы удачно ни складывалась предыдущая работа, это не исключает новых трудностей, новых проблем. Что за жанр? Как моя индивидуальность раскроется в этой роли? И как бы опытен актер ни был, первые шаги можно сравнить с неизвестной дорогой, когда не знаешь, что тебя ждет за поворотом. Идти по этой дороге с Ефремовым всегда интересно и беспокойно — есть твердая уверенность, что подскажет верный путь. Конечно, это отнюдь не означает, что режиссер гарантирует беспроигрышный вариант актерской удачи.

И все же в нашей работе существует масса — масса тех факторов, которые требуют выражения своего собственного «я». И тут определяющей является самостоятельность в решении вопроса развития индивидуальности. Свое «я», свое мнение, свой взгляд на театр, на жизнь, то есть свое собственное содержание, — без этого немыслим настоящий актер.

И надо сказать, что, несмотря на молодость в искусстве, работы Евгения Киндинова отмечены печатью пыливости и самостоятельности. Это не та самостоятельность, когда человек заявляет: у меня есть свое собственное мнение, и прошу меня не учить; но самостоятельность взгляда, которая помогает быть вместе с режиссером, автором, ролью, которая помогает общей работе всего коллектива.

Ну, а что бы я мог пожелать Жене Киндинову? Я не люблю менторского тона, это не мое дело. Но всегда интересно представить себе завтрашний день по-доброму начавшей развиваться судьбы актера.

И в связи с этим хочется сказать — побольше приглядываться к жизни, не замыкаться в ведомственно-методологическом ключе. Я могу перекувырнуться, плакать, смеяться на сцене методологически верно, но надуманно, и это будет неправда. Нужно, чтобы на подмостках театра преломлялось мое отношение к жизни. Быть в сердце людей через людей. Жить прежде всего тем, что переходит через рампу сцены.

Все это непросто, и требует не только желания работать, не только хороших творческих данных, но и времени, и жизненного опыта.